

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2020-10-2-38>

УДК 82.09

В.М. ШУКШИН И «НОВОКРЕСТЬЯНСКИЕ ПОЭТЫ»: ВЫЖИВШИЕ ДЕТИ НЕВЫЖИВШИХ ОТЦОВ

А.А. Шорохов

Аннотация

В статье объединены два значительных историко-литературных явления. Первое – группа русских поэтов и прозаиков начала XX века, известных под общим названием «новокрестьянские поэты». Второе – группа русских писателей конца XX века, чье творчество получило устойчивое определение «деревенская проза». К этому культурному явлению неизменно относят и творчество В.М. Шукшина. В статье предпринимается попытка уйти от упрощающих определений «городской роман», «деревенская проза» и установить цивилизационную преемственность творчества Шукшина с «новокрестьянскими поэтами» начала XX века. Также автор пытается рассмотреть феномен группы «новокрестьянских поэтов» с культурно-философской и историко-биографической точек зрения – в единстве их творчества, судеб и трагических переломов в истории России. В статье используются теоретические работы по русской и мировой литературе и истории М.М. Бахтина, В.В. Кожина, И.Р. Шафаревича, Г.И. Шмелёва, П.Ф. Алёшкина, С.Ю. и С.С. Куняевых, недавние публикации, посвященные творчеству Шукшина В.И. Белова, А.Д. Заболоцкого, А.Н. Варламова.

Ключевые слова: *В.М. Шукшин, С.А. Есенин, С.А. Клычков, новокрестьянские поэты, репрессии против крестьянства, 1937 год, коллективизация, крестьянские восстания, проблема святости в русской литературе.*

Постановка проблемы. Укоренившийся в 1970-е годы XX века в русской литературной критике и литературоведении термин «деревенская проза» за последние десятилетия неоднократно подвергался ревизии и заслуженной критике. Не в последнюю очередь за очевидную дискретность в понимании этого сложного явления, исключаящую культурную и цивилизационную преемственность в развитии русской литературы.

Целью данной статьи является попытка уйти от упрощающих терминов «городской роман» и «деревенская проза» и показать на примере произведений В.М. Шукшина культурную и цивилизационную преемственность таких явлений русской литературы и жизни, как творчество новокрестьянских писателей 20–30-х годов XX века и представителей так называемой «деревенской прозы» (и поэзии) 70–80-х годов XX века. Более обоснованно это позволяют сделать появившиеся недавно фундаментальные работы, опубликованные в серии «ЖЗЛ», С.Ю. и С.С. Куняевых, А.Н. Варламова, воспоминания друзей и соратников В.М. Шукшина – В.И. Белова и А.Д. Заболоцкого.

Работа основана на сочетании типологического, описательного и сравнительно-исторического подходов.

Теоретическим основанием работы являются как ставшие уже классическими, так и новейшие концепции и теоретические исследования в области литературы и исследования проблемы святости в русской литературе: труды А.А. Потебни, Ф.И. Буслаева, М.М. Бахтина, Г.Д. Гачева, фундаментальный труд В.Н. Топорова «Святость и святые в русской духовной культуре»; теория С.А. Небольсина о «хороводе»; концепция И.А. Есаулова о «соборности» и «пасхальности» Русской литературы; развитие концепции «последнее целое» человека М.М. Бахтина в трудах В.В. Федорова, в частности в статье «Поэт и его бытие».

* * *

И.Р. Шафаревич еще тридцать лет назад, то есть в самый разгар «разоблачений» советского прошлого, писал: «Не сказать, чтобы на Западе было мало сведений о происходившем у нас, но он был к ним глух – а что ему надо слышать, решали его либеральные и прогрессивные духовные вожди. По словам А.И. Солженицына, оказавшись на Западе, он обнаружил, что задолго до его „Архипелага ГУЛАГа“ там уже существовала целая литература на эту тему, десятки книг, в том числе и очень яркие, – но они полностью игнорировались, почти никому не были известны...»

Оказывается, оценка западным либеральным общественным мнением положения в нашей стране не была все время одной и той же, она стала резко меняться где-то в 50-е годы. Но вот что загадочно: раньше они не хотели замечать творившейся у нас трагедии, а потом вдруг стали все строже судить нашу жизнь как раз тогда, когда миллионы заключенных были отпущены и жизнь стала постепенно смягчаться. Например, в 30-е годы Пьер Дэкс (из французских левых) разъяснял: “Лагерь... в Советском Союзе – это достижение, свидетельствующее о полном устранении эксплуатации человека человеком”, а в 60-е написал хвалебное предисловие к переводу „Одного дня Ивана Денисовича”!» [Шафаревич, 2014, с. 13].

Может быть, именно с надеждой на это тайное сочувствие проводимой им политики Сталин и сообщал Черчиллю в 1942 году о жертвах «коллективизации», когда, по его словам, «было репрессировано 10 миллионов кулаков, в подавляющем большинстве убитых своими батраками» [Шафаревич, 2014, с. 15]. Ведь именно этих «кулаков» либеральному общественному мнению Запада и было «не жалко». Вот и посетивший Советскую Россию в 1937 (!) году «Л. Фейхтвангер твердо знал все, что ему нужно знать о русских неколлективизированных крестьянах: “Они не умели ни читать, ни писать, весь их умственный багаж состоял из убогого запаса слов, служивших для обозначения окружающих их предметов, плюс немного сведений из мифологии, которые они получили от попа”. Само собой очевидно, что этот жалкий строй жизни не имел права на существование: он должен был быть взорван, а жизнь построена наново» [Шафаревич, 2014, с. 13]. Кстати, жутковатую откровенность Сталина несложно соотнести с данными

дореволюционной статистики. К 1914 году в Российской империи насчитывалось 589 293 сел, деревень, хуторов (без Финляндии). Минус 40 850 в Польше. Получаем 548 443 [Статистический ежегодник России, 1915, с. 123].

Сталинские «десять миллионов кулаков» делим на 548 443 деревень и сел, получаем 18 человек с деревни (села, станицы, хутора). Это по 3–4 «кулацких» семьи с 4–5 детьми. Где больше, где меньше. Именно так это и описано у М.А. Шолохова в «Поднятой целине» и у В.И. Белова в трилогии о коллективизации «Час шестой». И в итоге мы получаем не просто войну с «зажиточным» и «реакционным», по слову Ф. Энгельса [Шмелёв, 2003, с. 133], крестьянством, а войну с определенным типом «цивилизации», войну, в которой «прогрессивное общественное мнение» Запада заранее на стороне «исторических победителей» и готово простить им (не заметить) десятки миллионов жертв.

По типу цивилизации «крестьянская» Россия (7/8 населения – крестьяне) была предельно далека от уже «городских» Германии (крестьяне – порядка 40 %) и уж тем более Англии (немногим выше 20 %). Ближе к нам находились Франция и США (порядка 60 %), и совсем близко – Швеция (79 %) [Статистический ежегодник России, 1915, с.128]. По утверждению Шафаревича, русская «деревня являлась не просто экономической категорией, определенным методом производства съестных продуктов. Это была самостоятельная цивилизация, органично складывавшаяся многие тысячелетия, со своим экономическим укладом (и даже несколькими разными типами земледелия), своей моралью, эстетикой и искусством. Даже со своей религией – Православием, впитавшим гораздо более древние земледельческие культы. Типична в этом смысле череда земледельческих праздников, опоясывавших весь год и соотнесенных с православным циклом церковной службы» [Шафаревич, 2014, с.16].

Не случайно, что только русская (!) земледельческая цивилизация в качестве самоназвания еще в XV веке усваивает себе слово «крестьянская» (то есть христианская). В то же самое время, как утверждает В.В. Кожинов, оформляется и другое самоопределение нашей цивилизации: «Святая Русь» [Кожинов, 2007]. Совершенно очевидно, что именно она, Святая Русь, в 1917 году оказалась «в перекрестии прицела»:

«Революционный держите шаг!

Неугомонный не дремлет враг!

Товарищ, винтовку держи, не трусь!

Пальнем-ка пулей в Святую Русь...» [Блок, 1994, с. 5–132].

Красноармейцы в поэме «Двенадцать» Александра Блока знают, в кого надо целиться. В связи с этим известный исследователь творчества новокрестьянских поэтов Н.М. Солнцева вполне резонно поднимает вопрос «о противлении или непротивлении злу» у новокрестьянских писателей в целом и у С.А. Клычкова в частности, она пишет: «Пора Тамбовского и других крестьянских восстаний прошла. Клычков в 1930 г. считал, что подвиг, жертва, борьба и невозможны, и бессмысленны, нужно всем народом молиться об умягчении сердец власть преде-

ржащих. Он показал бессилие человека перед злом. Клюев тоже описал смирение поморских крестьян перед нашествием Змия. Их сюжеты, будь они мистического или исторического смысла, содержали аллюзию на современность. Вот дневниковая запись М. Волошина от 28 июня 1931: «И невольно преклоняешься перед тем великолепным смирением, которое теперь часто видишь у раскулаченных крестьян». Можно говорить о физическом, психическом смирении, но не мировоззренческом, о чем, на наш взгляд, говорит мучительный поиск Клычковым высшего, мистического оправдания зла. Да и Волошин в «Левиафане» (1915, 1924) принимает волю Бога, создавшего левиафана. Клюев же верил в победу над злом: «Но дивный Спас! Змею копыта, / За нас, пред ханом павших ниц, / Егорий вздыбет на граните / Наследье скифских кобылиц!» Следует также иметь в виду поведение Клычкова и Клюева, чтобы понять пределы смирения и силу личного бесстрашия. Это же касается их творчества. Много создано „в стол” и составило фонд потаенной литературы. Отвечая на вопрос анкеты журнала «На литературном посту» (1931. № 20–21) «Какой нам нужен писатель?», Клычков высказался о роковом для современного писателя отсутствии сопротивления современности: писателю необходимо сохранять для себя запретную зону мыслей и чувств» [Солнцева, 2016, с.16]. Поэтому и записывает в дневнике крестьянский поэт С.А. Клычков, расстрелянный в 1937 году: «Отец про себя говорит: мученик, а не святой! За это, должно быть, его и раскулачили...» [Морозов, 1996, с. 68].

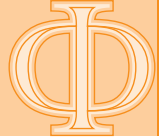
Вот эти вот «мученики, а не святые» и есть цена «коллективизации» и раскрестьянивания (разхристианивания) Руси, заплаченная в годы «великого перелома».

* * *

Результаты исследования. Итак, нам предстоит выяснить, насколько остро и отчетливо чувствовал В.М. Шукшин свою связь с этим уничтоженным основанием русской народной жизни, матрицей ее крестьянской цивилизации? В режиссерской рабочей тетради Шукшина есть такая запись: «*Отец – расстрелян. Дядя Иван – расстрелян. Дядя Михаил – 18 лет отсидел в лагере, погиб на Колыме. Дядя Василий – сидел в тюрьме, попал в четвертый раз. Дядя Федор – умер в тюрьме. Дядя Иван Козлов – погиб на фронте. Дядя Илья – погиб на фронте в Финскую. Дядя Петр – погиб на фронте...*» [Белов, Заболоцкий, 2002, с.18].

Чувствовал ли эту свою кровную, родовую и культурную связь В.М. Шукшин? Вопрос излишний. Вот что он говорит в монологе «На лестнице»:

«*Может быть, тут сказывается та большая совесть нашего народа, его неподдельное чувство прекрасного, которые не позволили забыть древнюю простую красоту храма, душевную песню, икону, Есенина, милого Ваньку-дурачка из сказки... Впрочем, Ванька-то, пожалуй, забывается, и даже имя его – все реже и реже... Опять надежда на деревню: может, хоть там не забудут про Ивана. Иван на Руси славные делал дела! И землю пахал, и книжки писал, и песни складывал, и машины изобретал, и города строил. И неплохо*» [Шукшин, 1984, т. 3, с. 72]. Тут Василий Макарович говорит не только о любимом Есенине (сравните – в рассказе «Верую»: «Прожил он мало, ровно с песню, но иначе она не была бы столь

щемящей, оттого и не бывает длинных песен...» [Шукшин, 1984, т. 2, с. 45]). Здесь возникает и еще один излюбленный герой Шукшина – Ванька-дурачок.

Не будем вдаваться в довольно изученную тему шукшинских «чудиков», а перейдем к завещанию писателя, к его пророческой сказке «Ванька, смотри!» (подцензурное название «До третьих петухов») с ее главным героем – Ванькой, Ванькой-дурачком.

Есть много предположений, кого Шукшин замаскировал под «злыми персонажами» этой сказки: от советской бюрократии до вездесущего КГБ включительно. Что в целом – верно. Например, в одном из самых недавних исследований на эту тему в «Новом мире» утверждается, что Баба-Яга – это «критика сталинского периода», а ее дочь – «современная Шукшину критика», Мудрец – «чиновник от культуры», а Змей Горыныч – «классик соцреализма». Есть в новомировской статье и более острые выводы: черти, захватившие монастырь – это «евреи», «чужие», а Изящный черт вообще чуть ли не учитель и «кинематографический мастер Шукшина – Михаил Ромм» [Горбушин, Обухов, 2018, с. 83].

Ванька перед всеми ними «пляшет...» и «предает монахов», «пускает чертей в монастырь». Авторы статьи утверждают, что об этом же, цитируя сказку Шукшина, «говорил и Палиевский» [Горбушин, Обухов, 2018, с. 84] в знаменитой дискуссии «Классика и мы».

Думается, что, не вдаваясь в крайности, более правильно будет обозначить этот «культурный слой» русской послереволюционной жизни словами Солженицына: «образованщина» [Солженицын, 1974, с. 3]. Именно они были (и остаются) «бюрократами» (в том числе и от культуры), да и осведомителями КГБ тоже.

Именно про них писал другой современник Шукшина – поэт Николай Рубцов:

«Но все они опутаны всерьез

Какой-то общей нервной системой:

Случайный крик, раздавшись над богемой,

Доводит всех до крика и до слез!» [Рубцов, 2000, с. 43].

Так чем же допекают Ваньку эти «злые», Баба Яга, ее дочь, Змей Горыныч, Мудрец, наконец, черти, захватившие монастырь?

А они от него требуют, по сути, только одного: спляши!

И вот здесь, помимо очевидной метафоры: «плясать под чужую дудку», открывается и совсем неожиданный пласт смыслов. Дело в том, что и сам В.М. Шукшин, о котором В.И. Белов вспоминает, как они «плясали под гармонь на Пасху 1964 года» [Белов, Заболоцкий, 2002, с. 73], и его любимый поэт С.А. Есенин любили плясать. Так, Анна Назарова писала в воспоминаниях: «Вхожу. Публики еще никого, было еще рано. Пьяный Есенин что-то пляшет» [Зинин, 2010, с. 31].

А это было, помимо всего прочего, на фоне «расстрельной» и «богемно-неприятной» действительности («мужиковствующих свора» [Маяковский, 1924, с. 28]) и для того и для другого еще и формой *юродства*.

Не случайно, что оно вполне находит отражение и в более ранних рассказах В.М. Шукшина, например в рассказе «Жена мужа в Париж провожала». Как

отмечает Н.В. Ковтун: «История, начавшаяся вполне сказочно: “Стали они с Валюшей жить-поживать”, имеет трагический финал – “...до них стало доходить, что они напрочь чужие друг другу люди. Но было поздно: через год у них народилась дочка Нина”. И далее разочарования, потери нарастают как снежный ком. Колька, лишенный возможности учиться, найти работу по душе, превращается в “шута”, вымещающего боль в „исступленной, злой «цыганочке»”, что исполняет по субботам во дворе <...> Казалось бы, отчаянный танец персонажа связан с открытым пространством двора, улицы, но и они – только сцена, зрители ждут, когда Колька выкинет очередной фокус, рассмешит. Ритм танца механистичен, лишен духовного размаха, отчасти напоминает пляску гоголевского Хомы Брута: “Трехрядка прикипает к рукам, в меру помогает «цыганочке», где надо молчит, работают ноги. Работают четко, точно, сухо”; “Молчат вокруг, будто догадываются: парень выплясывает какую-то свою затаенную горькую боль”. У Шукшина, однако, герой не от морока пытается освободиться, но заявить собственную волю, свой мир, который и отстаивает на пяточке городского пространства. Вопреки фиктивным правилам существования Колька демонстрирует акт телесного освобождения – танец, этим и завораживая публику. Бунт живого человека против обезличенной цивилизации, против навязанных людьми законов...» [Ковтун, 2012, с. 83].

И вот здесь важно обозначить очень серьезную, точнее сказать, принципиальную разницу таких явлений, как «шутство» и «юродство» в русской христианской традиции. И.А. Есаулов подчеркивает, что «в русской христианской традиции шутство соотносится с inferнальной сферой греха, тогда как юродство как бы „помнит” о своем родстве со святостью» [Есаулов, 2004, с. 159].

Поэтому-то шутство обличает действительность, а юродство ее не приемлет. В уже упоминавшемся рассказе В.М. Шукшина «Жена мужа в Париж провозжала» Н.В. Ковтун отмечает очевидное шутство Кольки и высмеивание им лживой (городской) действительности: «Колька, лишенный возможности учиться, найти работу по душе, превращается в „шута”, вымещающего боль в „исступленной, злой «цыганочке»”, что исполняет по субботам во дворе. Валя же, стыдящаяся концертов мужа, все чаще „выказывает себя злой и неумной, просто дурой”. Так красавица обращается в чудовище, богатырь – в клоуна, он перемещается в подвал, где пьет с торгашами – грузчиками и мясниками, „беззаботными как клоуны”. Сакральный верх – легендарная Москва, связанная с исполнением подлинной миссии защитника, проецируется на гротескный „низ”, цирковую арену, подвал» [Ковтун, 2012, с. 83].

Хотя в случае с персонажем этого рассказа можно говорить и о том, что попытки высмеять неприемлемую для него действительность заканчиваются вполне трагично: самоубийством. И здесь, возвращаясь к общей теме юродства и шутства у Шукшина и Есенина (Клычкова, Клюева и других «новокрестьянских поэтов»), можно снова процитировать И.А. Есаулова: «юродивые “ругаются миру” вовсе не для того, чтобы лучше “организовать” этот мир, и не для того, чтобы исправить его – в лучшую сторону: в юродстве проявляется тенденция

отвергать все устоявшиеся формы земной жизни как неистинные; юродство – это радикальное по своей сути отвержение “здешнего” мира и его ценностей (этим радикализмом юродство, в частности, отличается от монашества, где уход из мира организуется согласно особым правилам)» [Есаулов, 2004, с. 159].

Характерно, что один из самых близких к «новокрестьянским поэтам», доживший до 50-х годов XX века, Пимен Карпов, именно в декабре 1925 года, в дни убийства Есенина, напишет стихотворение «История дурака»:

«Ты страшен. В пику всем Европам...

Став людоедом, эфиопом, –

На царство впер ты сгоряча

Над палачами палача.

Глупцы с тобой „ура” орали,

Чекисты с русских скальпы драли,

Из скальпов завели „экспорт” –

Того не разберет сам черт!

В кровавом раже идиотском

Ты куролесил с Лейбой Троцким,

А сколько этот шкур дерет –

Сам черт того не разберет!

Но все же толковал ты с жаром:

„При Лейбе буду... лейб-гусаром!”

Увы! – Остался ни при чем:

„Ильич” разбит параличом,

А Лейба вылетел „в отставку”!

С чекистами устроив давку

И сто очков вперед им дав,

Кавказский вынырнул удав –

Наркомубийца Джугашвили!

При нем волками все завыли:

Танцуют смертное „танго” –

Не разберет сам черт того!

Хотя удав и с кличкой „Сталин” –

Все проплясали, просвистали!..

Дурак, не затевай затей:

Пляши, и никаких чертей!» [Куняев, Куняев, 2006, с. 194].

Строка Пимена Карпова: «При Лейбе буду... лейб-гусаром!» – напрямую адресуется Есенину, который неоднократно заявлял о своей «дружбе с Троцким». Последний и впрямь на смерть поэта откликнулся весьма сочувственной статьей. А Есенин еще за несколько дней до убийства «сидя в пивной напротив Тарасова-Родионова, говорил:

– Я очень люблю Троцкого, хотя он кое-что пишет очень неверно...» [Куняев, Куняев, 2006, с. 196].

* * *

Выводы. Не правда ли, юродствующий и «пляшущий Есенин», пляшущий «дурак» Пимена Карпова, написанный в дни гибели Есенина, актуальная переключка со сказкой Шукшина? Вряд ли Василий Макарович знал про это стихотворение, но то, что смысловое поле одно – это совершенно очевидно!

Поэтому в части выводов из нашей статьи можно со всей определенностью сказать, что представителями так называемой «деревенской прозы» (в частности, В.М. Шукшиным) совершенно четко осознавалось свое родство творчеству новокрестьянских поэтов, как минимум по типу принадлежности к одной цивилизации: крестьянской (учитывая, что свободный доступ к основному массиву творчества С.А. Клычкова, Н.А. Клюева, П.Н. Васильева и других новокрестьянских писателей был закрыт).

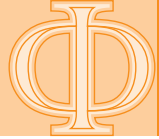
«В России процесс “раскрестьянивания” затянулся надолго (что заметно, например, еще в прозе “писателей-деревенщиков” конца XX века), именно крестьянская (христианская) составляющая русского народа была на протяжении более пяти веков (с момента создания Московского царства) глубинным хранителем идеи святости (как одного из атрибутов “архетипа пасхальности”, см. указанное сочинение И.А. Есаулова [Есаулов, 2004, с. 38])» [Шорохов, 2019, с. 105].

А дальше, увы, уже сбывается шукшинское пророчество. И именно в то время, когда русская жизнь, ценою десятков миллионов жертв и коллективизации, и рассказывания, и Второй мировой войны – этой невероятной ценой, которую заплатил русский народ, – восстанавливается к 70–80-м годам XX века; когда, по слову В.Г. Распутина, «Россия переварила коммунизм» [Распутин, 1991, с. 2]; когда шукшинский Ванька «на Руси славные делал дела! И землю пахал, и книжки писал, и песни складывал, и машины изобретал, и города строил...», и выходил в космос, и создал новейшие сложнейшие системы обороны и промышленности (благодаря чему мы до сих пор живы), вот тогда в России запускают «новую революцию», так называемую «перестройку».

И как тут не вспомнить Ивана из сказки «Ванька, смотри!», не услышавшего пророческого предупреждения, плясавшего под чужую дудку с конца 80-х XX века, и проплясавшего полстраны и 20 миллионов своих соотечественников, Украину и великую русскую культуру второй половины XX века с Бондарчуком и Распутиным, Свиридовым и Шукшиным, – вспомнить с невыразимой грустью и печалью!

Другой вопрос, что наш исторический опыт дает нам все-таки право на нестигаемый оптимизм. Не так давно мы стали свидетелями *Русской весны* и ворот Крыма. Да и в целом – есть ощущение, что русская жизнь после лихолетья 90-х начинает возвращаться в свои берега. Поэтому закончить статью о Шукшине хотелось бы стихами современного поэта Владислава Артемова о минувшем XX веке и о русском народе:

*«Травили, били их – да что там,
Не удастся их угробить.
Их вообще-то, по расчетам,
Уже на свете не должно быть.»*

*Они так страшно воевали –
И возвращались, обессилев;
Их в землю по уши вбивали,
Их миллионами косили.*

*Всему на свете есть причина.
Народ таинственный и жуткий...
Он отрастает, как щетина,
Из-под земли на третьи сутки» [Артёмов, 2016].*

Библиографический список

1. Алешкин П.Ф., Васильев Ю.А. Крестьянские восстания в России в 1918–1922 гг. От махновщины до антоновщины. URL: https://royallib.com/read/vasilev_yuriy/krestyanskie_vosstaniya_v_rossii_v_19181922_gg_ot_mahnovshchini_do_antonovshchini.html#934560 (дата обращения: 10.05.2020).
2. Артёмов В.В. Свет золотой // Российский писатель. М., 2016. URL: <https://rospisatel.ru/artemov-novoje.htm> (дата обращения 10.05.2020).
3. Байбородин А.Г. Русский обычай // Сибирь. 2019. № 4. С. 144–236.
4. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Советский писатель, 1963.
5. Белов В.И., Заболоцкий А.Д. Тяжесть креста. Шукшин в кадре и за кадром. М.: Советский писатель, 2002.
6. Блок А.А. Полное собрание сочинений: в 20 т. М.: Наука, 1994. Т. 5.
7. Варламов А.Н. Шукшин. М.: Молодая гвардия, 2015.
8. Горбушин С.А., Обухов Е.Я. «До третьих петухов» как исповедь-завещание Василия Шукшина // Новый мир. 2018. № 6. URL: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2018_5/Content/Publication6_6912/Default.aspx (дата обращения: 10.05.2020).
9. Есаулов И.А. Пасхальность русской словесности. М.: Кругъ, 2004.
10. Зинин С.И. Неизвестный Есенин. В плену у Бениславской. М.: Эксмо, 2010. 272 с.
11. Ковтун Н.В. Образ городской цивилизации в поздних рассказах В.М. Шукшина: миметический и семантический аспекты // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 1 (17). С. 74–93.
12. Кожин В.В. Россия. Век XX. URL: [http://rus-sky.com/history/library/kozhinov/2\(2\).htm](http://rus-sky.com/history/library/kozhinov/2(2).htm) (дата обращения: 10.05.2020).
13. Куняев С.Ю., Куняев С.С. Сергей Есенин. М., 2006.
14. Лесков Н.С. Избранные сочинения. М., 2004.
15. Маяковский В.В. Юбилейное // Леф. М.; Пг., 1924. № 2.
16. Морозов В.В. (составление и комментарии). Лысая гора (статьи, интервью, стенограммы выступлений, дневниковые записи). Талдом, 1996.
17. Небольсин С.А. Карнавал или хоровод? // Родная Кубань. 2004. № 2.
18. Распутин В.Г. Интервью 17.11.1991 // Литературная Россия. 1991. URL: http://xn--80alhdjhdcxhy5hl.xn--p1ai/sites/zhurmir/files/pdf/biyskiy_vestnik_2020-1_103.pdf (дата обращения: 10.05.2020).
19. Рубцов Н.М. Собрание стихотворений: в 3 т. М.: Терра, 2000.
20. Солженицын А.И. Из-под глыб. Образованщина. Париж: Имка-пресс, 1974.
21. Солнцева Н. Гносеология С. Клычкова и Н. Ключева (1930–1930-е) // Stephanos. М., 2016. № 4 (18). С. 9–22.
22. Солоневич И.Л. Народная монархия. М.: Изд. фирма «Феникс» ГАСК СК СССР, 1991.

23. Статистический ежегодник России. 1914 г. Издание ЦСК МВД. Пг., 1915.
24. Топоров В.Н. Святость и святые в русской духовной культуре. М.: Гнозис, 1995.
25. Федоров В.В. Поэт и его *бытие* // Отечественные записки. 2019. № 1.
26. Шафаревич И.Р. Полное собрание сочинений: в 6 т. М.: Институт русской цивилизации, 2014. Т. 2.
27. Шмелёв Г.И. К. Маркс и Ф. Энгельс без пьедестала // Россия и современный мир. 2003. № 4. С. 124–138.
28. Шорохов А.А. Онтологический дуализм и проблема святости в романе «Сахарный немец» С.А. Клычкова // Известия Смоленского государственного университета. 2019. № 3 (49). С. 103–116.
29. Шукшин В.М. Собрание сочинений: в 3 т. 1984. Т. 1–3.

Сведения об авторе

Шорохов Алексей Алексеевич – современный русский поэт, литературный критик; секретарь Союза писателей России; заведующий отделом литературы журнала «Отечественные записки» (заместитель главного редактора); e-mail: aleksei_shorohov@mail.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2020-10-2-38>

V.M. SHUKSHIN AND “NEW PEASANT POETS”: SURVIVED CHILDREN OF NOT SURVIVED FATHERS

A.A. Shorokhov

Abstract

The article combines two significant historical and literary phenomena. The first is a group of Russian poets and prose writers of the early twentieth century, known under the general name “new peasant poets”. The second is a group of Russian writers of the late twentieth century, whose work has received a steady definition of “village prose”. V.M. Shukshin’s works are also referred to this cultural phenomenon. The article attempts to get away from simplifying definitions of “urban romance”, “village prose”, and to establish the civilizational continuity of Shukshin’s work with “new peasant poets” of the early twentieth century. The author also tries to consider the phenomenon of the group of “new peasant poets” from the cultural, philosophical and historical-biographical points of view – In the unity of their work, fate and dramatic changes in the history of Russia. The article uses theoretical works on Russian and world literature and history by M.M. Bakhtin, V.V. Kozhinova, I.R. Shafarevich, G.I. Shmeleva, P.F. Alyoshkina, S.Yu. and S.S. Kunyaevs, recent publications on Shukshin’s works by V.I. Belov, A.D. Zabolotsky, and A.N. Varlamov.

Keywords: *V. M. Shukshin, S. A. Yesenin, S. A. Klychkov, new peasant poets, repression against the peasantry, 1937, collectivization, peasant uprisings, the problem of holiness in Russian literature.*

References

1. Aleshkin P.F., Vasil`ev Yu.A. Krest`yanskie vosstaniya v Rossii v 1918–1922 gg. Ot maxnovshhiny do antonovshhiny [Peasant uprisings in Russia in 1918-1922 From the Makhnovshchina to the Antonov]. URL: https://royallib.com/read/vasilev_yuriy/krestyanskie_vosstaniya_v_rossii_v_19181922_gg_ot_mahnovshchini_do_antonovshchini.html#934560 (data obrashheniya 10.05.2020).
2. Artyomov V.V. Svet zolotoj In Rossijskij pisatel [Light Golden In Russian writer]. M., 2016. URL: <https://rospisatel.ru/artemov-novoje.htm> (data obrashheniya 10.05.2020).
3. Bajborodin A.G. Russkij obyčaj In Sibir [Russian custom In Siberia]. 2019. № 4. S. 144–236.
4. Baxtin M.M. Problemy` poe`тики Dostoevskogo [Problems of Dostoevsky's poetics]. M.: Sovetskij pisatel`, 1963.
5. Belov V.I. Zabolockij A.D. Tyazhest' kresta. Shukshin v kadre i za kadrom [The weight of the cross. Shukshin in and out of the frame]. M.: Sovetskij pisatel', 2002.
6. Blok A.A. Polnoe sobranie sochinenij: v 20 t. M.: Nauka, 1994. T. 5.
7. Varlamov A.N. Shukshin. M.: Molodaya gvardiya, 2015.
8. Gorbushin S.A., Obuxov E.Ya. “Do tret`ix petuxov” kak ispoved`-zaveshhanie Vasiliya Shukshina In Novy`j mir [“Before the third roosters” as a confession-the Testament of Vasily Shukshin In New world]. 2018. № 6. URL: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2018_5/Content/Publication6_6912/Default.aspx (data obrashheniya 10.05.2020).
9. Esaulov I.A. Pasxal`nost` russkoj slovesnosti [Pashernate Russian literature]. M.: Krug``, 2004.
10. Zinin S.I. Neizvestny`j Esenin. V plenu u Benislavskoj [Unknown Yesenin. In the thrall of Benislavskii]. M.: E`ksmo, 2010. 272 s.

11. Kovtun N.V. *Obraz gorodskoj civilizacii v pozdnix rasskazax V.M. Shukshina: mimeticheskij i semanticheskij aspekty`* In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo un-ta* [The image of urban civilization in V.M. Shukshin's later stories: mimetic and semantic aspects In *Bulletin of the Tomsk state University*]. 2012. № 1 (17). S. 74–93.
12. Kozhinov V.V. *Rossiya. Vek XX* [Russia. The twentieth century]. [http://rus-sky.com/history/library/kozhinov/2\(2\).htm](http://rus-sky.com/history/library/kozhinov/2(2).htm) (data obrashheniya 10.05.2020).
13. Kunyaev S.U., Kunyaev S.S. *Sergej Esenin* [Sergey Esenin]. M., 2006.
14. Leskov N.S. *Izbrannye sochineniya*. M., 2004.
15. *Mayakovskij V.V. Yubilejnoe* // Lef. M.; Pg., 1924. № 2.
16. Morozov V.V. (sostavlenie i kommentarii). *Ly`saya gora (stat`i, interv`yu, stenogrammy` vy`stuplenij, dnevnikovye zapisi)* [(compilation and comments). Bald mountain (articles, interviews, transcripts of speeches, diary entries)]. Taldom, 1996.
17. Nebol`sин S.A. *Karnaval ili xorovod?* In *Rodnaya Kuban* [Carnival or dance? In *Native Kuban*] Krasnodar, 2004. № 2.
18. Rasputin V.G. *Interv`yu 17.11.1991* In *Literaturnaya Rossiya* [Interview 17.11.1991] // *Literary Russia*. 1991. URL: http://xn--80alhdjhdxcxy5hl.xn--p1ai/sites/zhurmir/files/pdf/biyskiy_vestnik_2020-1_103.pdf (data obrashheniya 10.05.2020).
19. Rubczov N.M. *Sobranie stixotvorenij: v 3 t.* M.: Terra, 2000.
20. Solzhenicyn A.I. *Iz-pod gly`b. Obrazovanshhina* [From under the rocks. Education]. Parizh: Imka-press, 1974.
21. Solnceva N. *Gnoseologiya S. Kly`chkova i N. Klyueva (1930–1930-e)* In *Stephanos* [Epistemology of S. Klychkov and N. Klyuyev (1930–1930s) In *Stephanos*]. M., 2016. № 4 (18). S. 9–22.
22. Solonevich I.L. *Narodnaya monarhiya* [The people's monarchy]. M.: Izd. firma “Feniks” GASK SK SSSR, 1991.
23. *Statisticheskij ezhegodnik Rossii* [Statistical Yearbook of Russia]. 1914 g. Izdanie CzSK MVD. Pg., 1915.
24. Toporov V.N. *Svyatost` i svyaty`e v russkoj duxovnoj kul`ture* [Holiness and saints in Russian spiritual culture]. M.: Gnozis, 1995.
25. Fyodorov V.V. *Poe`t i ego by`tie* // *Otechestvenny`e zapiski* [The poet and his being In *Domestic notes*]. 2019. № 1.
26. Shafarevich I.R. *Polnoe sobranie sochinenij: v 6 t.* [Complete works: in 6 vol.]. M.: Institut russkoj civilizacii, 2014. T. 2.
27. Shmelev G.I. *K. Marks i F. E`ngel`s bez p`edestala* // *Rossiya i sovremenny`j mir* [K. Marx and F. Engels without a pedestal In *Russia and the modern world*]. 2003. № 4. S. 124–138.
28. Shoroxov A.A. *Ontologicheskij dualizm i problema svyatosti v romane “Saxarny`j nemez” S.A. Kly`chkova* In *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta* [Ontological dualism and the problem of sanctity in the novel the “Sugar German” by S.A. Klychkov In *Izvestiya of the Smolensk state University*]. 2019. № 3 (49). S. 103–116.
29. Shukshin V.M. *Sobranie sochinenij: v 3 t.* 1984. T. 1–3.

About the author

Alexey Alekseevich Shorokhov – Secretary of the Union of Writers of Russia, Deputy Editor-in-Chief of the journal “Otechestvennye Zapiski”; e-mail: aleksei_shorohov@mail.ru